

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.13)*

УДК 101

Л.В. Жаров, Н.Л. Вигель*Ростовский государственный медицинский университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**redaction-el@mail.ru***«POSHLOST»****И ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСТВА*****[Leonid V. Zharov, Narine L. Vigel*****"Poshlost" and the digital culture of the post-humanity]**

It is studied the phenomenon of vulgarity from its origins to digital culture. Vulgarity appears as a rather unique phenomenon of mainly Russian culture, which has genetic prerequisites for the emergence and triggers of socio-cultural formation, including gender and age specifics. It is literally and figuratively immortal as long as humanity is alive and constantly changes its historical appearance. In this sense, it can be considered as one of the modifications of man's slavery to himself, his eternal dependence on the crowd, both real and virtual, already in our time, from stereotypes and standards of behavior, from vanity and ambition as powerful levers of activity.

Key words: vulgarity, gender, androgyny, everyday life, transhumanism, posthuman.

Более 60 лет назад русско-американский писатель В.В. Набоков, читая лекции по русской литературе, опубликовал эссе, посвященное пошлости и пошлякам. Эти термины и понятия специфичны для русского менталитета, а в английском языке наиболее близки у него "vulgarity" и "banality". Вместе с тем их содержание носит гораздо более глубокий характер, отражая существенную сторону человеческой культуры, что позволяет считать их вечными, бессмертными, экзистенциальными, сравнимыми с феноменами смерти (Oscar Wilde).

Великие деятели русской культуры, включая А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.А. Ильина, всесторонне исследовали это явление в эстетическом, этическом, религиозном и иных смыслах, подчеркивая его общезначимость, распространенность среди «черни» и в то же время его невероятную способность проникать во все слои культуры, включая элитарные и аристократические («снобизм»).

В самом абстрактном плане пошлость это подделка под истину, добро и красоту, их подмена, характерная для массового сознания мещанства, филистерства, которое видит высшую ценность существования в материальном благополучии, в деньгах, против чего восстали искусство и культура XX в. в основном в эпатажных формах. Творцы искусства XX в. исходили из того, что пошлость гораздо хуже категории безобразного, ибо символизирует собой безвкусицу и дурновкусие, характерные для обывателя европейской культуры и цивилизации, что ведет к цинизму в жизни и деятельности.

XXI век привнес некоторые новые измерения вечного феномена пошлости, связанные с одной стороны с ситуацией прихода «постчеловечества», «нового гуманизма», а с другой стороны, с бумом цифровизации и концептами искусственного интеллекта, призванного спасти погибающее человечество. Здесь прежде всего встает проблема методологии познания сущности такого сложного понятия как пошлость и его исторических модификаций.

Полагаем, что для этих целей наиболее адекватен подход в духе эпистемологического конструктивизма [1], в котором сочетаются принципы эссенциализма и социального конструктивизма и координируют научные критерии и моральные оценки явления на основе метасистемности, где предполагается плюралистичность измерений опыта. То что пошлость имеет неоднозначные оценки в довольно широком диапазоне, отмечают практически все исследователи этого явления, приписывая даже это природным феноменам (пейзажам и пр.) Хотя большинство констатирует, что это специфически личностное качество человека, в основном мужского рода, ведущее «правильный» образ жизни и тщательно стерегущего этот душевный покой, боящегося перемен и творчества во всех сферах и довольствующегося всевозможными подделками. На языке православной догматики это обозначается как «теплохладность» (likewarmness), т.е. подмена подлинной, живой и горячей веры формальным обрядоверием и стремлением достичь земного благополучия. Теологи считают ее исходным пунктом актом грехопадения первых людей, когда искушение змеем Евы дало толчок поощрению греха и последующему фарисейству, которое ныне ассоциируется с феноменом религиозной толерантности, трактуемой как положение между Христом и Сатаной. Отсюда произрастает идолопоклонство, неспособность ощутить «священный ужас» и как следствие – ханжество и донжуанства, которое в метафизиче-

ском смысле могут быть определены как феномен пустоты (emptiness) [2] как гибрида тоски и скуки. Однако помимо отрицательных коннотаций в пошлости можно усмотреть и противоположную сторону, что особенно характерно для русского национального менталитета с его стремлением к парадоксам, к крайностям при отсутствии «золотой середины», о чем говорят многие коллизии в романах Ф.М. Достоевского, где душа человека – поле бесконечной битвы между Богом и Сатаной.

Что же может быть положительного в явлении пошлости как средоточии аморальности, бездуховности и вообще низменности? Оказывается, это понятие середины, медиации, опосредования упомянутых крайностей духа, которое мало удается реализовать и в общественной жизни, и в личных судьбах человека. Да и в истории России до XVII в. термин пошлость не имел отрицательного значения, однако он приобрел таковое в эпоху Петра I и особенно в XIX в.

Многогранность явления пошлости может быть проанализирована на удачном примере феноменов русского типа половых и гендерных отношений, которые достаточно специфичны по сравнению с европейскими и азиатскими моделями. В этих феноменах, как в линзах, преломляются самые существенные социокультурные закономерности развития общества и человека, они служат своеобразными метками динамики процессов развития или деградации. Не случайно термин пошлость употребляется прежде всего в смысле сексуальной распущенности, непритязательности, своеобразной бездарности в интимных отношениях как удел серых и плоских личностей, способных только либо на выполнение «супружеского долга», либо на безликие, чисто физиологические связи и отношения. Ортега-и-Гассет хорошо определил это как «запрограммированная обыденность, непоколебимая удовлетворенность повседневностью» [3], что исключает «жар любви», заменяя его холодной похотью. Другой крайностью в этом отношении может быть формирование сексуального маньяка как сверхрадикального способа преодоления обыденности, ведущего, как правило, к деструкции, крайнему цинизму и смерти.

Очевидно, что и тот, и другой путь порождены социокультурными реалиями жизни миллионов людей, которые выбирают либо одну из крайностей, либо ту середину, которая и может восприниматься как пошлость, хотя и имеет некоторые черты добродетельной жизни. Это своеобразная модификация Эроса, который вбирал в себя все страсти, и мужские, и женские, был

неукротим и даже агрессивен, переступал все мыслимые границы ради божественной страсти, будучи трансцендентным по своей природе. Эрос у Фрейда был, в сущности, заменен на понятие «либидо», присущее полиморфно-перверзным субъектам, а середина и конец XX в. дали расцвет сексуальной апатии, асексуальности и другим проявлениям деструкции эротического начала в жизни человека, что в корне изменило само понятие эротического и потребовало новых видов коммуникации. Речь идет о расцвете виртуального общения и соответствующим виртуальной скуке и пошлости, роботосексе в виртуальной реальности, репродукции без секса и эроса как таковых и других виртуальных реалиях XXI в.

Парадокс ситуации состоит в том, что казалось бы сногшибательные новинки – перемена пола по свободному выбору человека, полисексуальность и полигендерность, принявшие вид постсексуальности и постгендерности, взрывающие консервативно-охранительные установки в отношении брака и семьи, дают как нам представляется и новую модификацию традиционной пошлости. На смену привычным ролям приходит образ нового Андрогина, так удачно сочетающего в себе мужское и женское начала, и, по некоторым прогнозам, люди (а точнее постлюди), имеющие такие характеристики, только и смогут выжить и далее развиваться в катастрофическом мире.

Причины такой ситуации многообразны, но в основном их сводят к тому, что человеческая телесность как социокультурная характеристика тела приобрела издавна товарный характер, который выражается в обесценивании ее в процессе потребления ввиду легкости замены. Это хорошо проанализировано еще в классическом марксизме исходя из отсутствия априорности у человека знаний о сущности сексуальных отношений в плане восприятия Другого как партнера.

В феноменологическом анализе этого процесса подчеркивается значимость интенционального акта для установления подлинно человеческого отношения двух субъектов. Отсюда проистекает ситуация, заставляющая человека обращаться к расхожим, коммерческим и потому заведомо пошлым моделям сексуального поведения. Это, в сущности, убивает такие существенные признаки подлинного эротизма, как экзистенциальное волнение перед лицом Другого, преодоление барьеров и запретов для установления подлинной интимности, снятие дуализма телесно-духовной организации человека. Для этого необходимо развитое воображение, ибо сугубый реализм

в восприятии тела чреват полной асексуальностью, что хорошо знакомо теоретикам и практикам нудизма и натурализма. Об этом же свидетельствуют и феномены перформативной и фигуративной сексуальности, получившие развитие во второй половине XX в. В последнем случае подчеркивается значимость и важность максимальной субъективизации отношений, предотвращающей восприятие Другого в неодушевленный предмет для удовлетворения физиологической нужды, что, собственно говоря, и представляет теоретический конструкт пошлости.

Тогда нет необходимости в каком-либо нарративном дискурсе любовного и эротического переживания ситуации, что подменяется набором стандартных фраз и выражений, где отношения двух субъектов уподобляются гайки с болтом, где речь может идти только о совпадении диаметров. Эти проявления телоцентризма и фетишизма тела очень характерны для буржуазной культуры XX в., свидетельствующие о глубине экзистенциального кризиса фундаментальных ценностей человеческой жизни. Связывать это явление с глобальным кризисом современного монополистического капитализма и концепциями трансгуманизма было бы упрощением ситуации, которая имеет и иные измерения на уровне глубинных качеств человеческой природы, включая действия и законов биологической эволюции, в частности, мозга человека как главной «эрогенной зоны». При этом неизбежно встает вопрос о локализации соответствующих нервных центров, обеспечивающих склонность большинства людей (если не всех) к пошлому типу поведения по аналогии с данными современной нейрофизиологии, открывшей наличие зон в мозге, ответственных за восприятие сакрального. Хорошо известны и многократно описаны последствия создания «рая» для крыс (John V. Calhoun и др.), который превращался в «поведенческую клоаку» (эксперимент «Вселенная 25»). При всей дискуссионности итогов этого и аналогичных экспериментов можно полагать, что данные о прямом влиянии размеров личного пространства и его динамика у жителей поселений разного типа могут объяснить некоторые особенности поведения, демонстрирующего феномен пошлости. Так, многие исследователи отмечают, что сельские жители, ведущие «простой» образ жизни, склонны к этому, а переселение в мегаполисы с их скученностью и неизбежным влиянием «масс-культы» увеличивают шансы человека к пошлой, расхожей оценке себя и окружающего мира.

Итак, в первом приближении пошлость предстает как достаточно уникальный феномен культуры (преимущественно русской), имеющей генетические предпосылки возникновения и пусковые механизмы социокультурного формирования, включая гендерную и возрастную специфику, а также многие измерения, включая религиозное (дьявол как вечная пошлость). Она в прямом и переносном смысле бессмертна, пока живо человечество и постоянно меняет свой исторический облик. В этом смысле она может быть рассмотрена как одна из модификаций рабства человека у самого себя, его вечной зависимости от толпы как реальной, так и виртуальной уже в наше время от стереотипов и стандартов поведения, от тщеславия и честолюбия как мощных рычагов активности.

Первые два десятилетия XXI в. высветили в этой вечной проблеме новые грани, связанные в основном с ситуацией глобального кризиса и процессами дегуманизации, грозящими гибелью человеческого рода. Одной из панацей предполагается создание искусственного интеллекта и всеобщую цифровизацию человеческой жизни, включая чипирование, симбиоз живых и неживых элементов тела и, в конечном итоге, получение гибрида в виде киберсущества, свободного от человеческих чувств и эмоций и поэтому неуязвимо для проявления пошлости прошлых веков. Подделка как существенная особенность пошлости тут будет в принципе невозможна или крайне сложна, поскольку человечество постепенно перейдет в новую фазу своего отныне космического существования.

Это в корне изменит и всю человеческую или точнее постчеловеческую сексуальность, когда ее субъектами станут непрерывно оргазмирующие человеко-роботы, киборги, нанороботы и прочие творения, перешедшие из фантастики в реальность. Авторы этих концепций полагают, что это избавит человечество от вечных и неизлечимых пороков человеческой сексуальности и прежде всего непредсказуемости, трансгрессивности и агрессивности. Проблема индивидуальности и уникальности будет в корне модифицирована, ибо постчеловек будет управляться цифрами и сам станет цифрой, что актуализирует старую как мир магию чисел, о которой размышлял еще Гераклит, не говоря уже об авторах антиутопий XX в., включая Aldous Huxley, George Orwell и других. Это порождает ряд сугубо философских и психологических проблем, включая наличие или отсутствие «Я» у таких гибридов, модификацию проблемы выбора и, главное – самоидентичность, способность глядеть на себя не только своими глазами, но и коллективным «оком» человечества.

Что же касается моральных и эстетических критериев оценки таких феноменов, то сейчас все чаще говорят о выработке неких новых стандартов, ориентированных на постчеловека, где высшую ценность будет представлять не какой-либо строгий кодекс религиозного толка и даже не постулаты светского гуманизма в духе Paul Kurtz. Речь идет о максимальном разнообразии выбора моральных и эстетических ориентаций с акцентом на собственную автономную мораль, свой «нравственный компас». Возникает вопрос о полюсе, на который должна быть направлена стрелка этого компаса, об ориентирах любви, дружбе, браке, сексуальных отношениях в целом. Человечество в массе своей и русская культура в особенности дали уже образы примитивизации таких отношений, обозначив их пошлостью и тривиальностью как следствием утраты притягательности и прелести того, что обозначается термином разврата и порока. Наша цивилизация действительно сползает в яму пошлости, а цифровой бум начала века, призванный дать новые горизонты, все оцифровать и точно посчитать, исключить или минимизировать случайности и трансгрессии, как ни парадоксально, сам порождает новые модификации вечных проблем.

Прогресс оборачивается своеобразным регрессом, стремление к свободе – новой зависимостью, еще более тягостной чем прежняя, что лишний раз говорит об актуальности гегелевского понятия «иронии истории». На смену одним идеалам приходят другие, принимающие вид идолов, а где идол – там и ложный культ, а где формальный культ – там и всепроникающая пошлость. Это обстоятельство нередко приводило в ужас великих деятелей русской культуры – Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, А.А. Блока, В.В. Маяковского, С.А. Есенина и других.

Всеобщая цифровизация жизни человека уже вызывает обоснованные опасения не только по поводу утраты его идентичности и индивидуальности, но и в аспекте нового вида оглушения, утраты критического мышления и как следствие – подражания моде в ее наиболее тривиальном отношении. Иначе говоря, грядет новая «цифровая пошлость» и всепроникающая, нивелирующая все самые драгоценные качества и свойства человека. Более того, «новая религиозность», столь характерная для современных духовных поисков, тоже чревата обесцениваем как веры, так и верности выбранному идеалу, а точнее – идолу. Кризисное состояние традиционных монотеистических религий, в том числе и православия, тоже не дает уверенности преодоления этих негативных тенденций, о чем говорят высокопоставленные иерархи церкви, сетуя на оскудение любви и благоговения перед

Богом. Используя лексикон современной космологии, можно полагать, что наша цивилизация неуклонно катится в «черную дыру», природа которой во многом неясна, но понятна некая неизбежность ее эволюции.

Резюмируя, отметим, что краткое рассмотрение феномена пошлости выявило его универсальный характер, способность к дальнейшему развитию в цифровой цивилизации и вытекающую отсюда необходимость дальнейшего анализа этого понятия с философских и социокультурных позиций, что может способствовать преодолению механистической картины мира и человека, дальнейшему углублению понимания диалектических противоречий их природы, источников и направлений развития, помогающих преодолевать тупики мышления и эмоций, о которых шла речь выше.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Davidson A.* The Emergence of Sexuality. Historical epistemology and the Formation of Concepts. Harvard University Press. 2001.
2. *Koryrkov V.P.* Sociocultural aspects of emptiness // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1(25). P. 57–64.
3. *Jose Ortega y Gasset.* Estudios sobre el amor. Этюды о любви. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. P. 244.

R E F E R E N C E S

1. *Davidson A.* The Emergence of Sexuality. Historical epistemology and the Formation of Concepts. Harvard University Press. 2001.
2. *Koryrkov V.P.* Sociocultural aspects of emptiness // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2012. No. 1 (25). P. 57-64.
3. *Jose Ortega y Gasset.* Estudios sobre el amor. Sketches about love. SPb.: Publishing house of Ivan Limbaha, 2003. P. 244.

29 июня 2021 г.